

О ТЕНДЕНЦИЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД ПЕРМАНЕНТНОЙ ВОЙНЫ

С 80-х гг. XIII в. на территории Византии развернулась перманентная война, приведшая империю к гибели¹. Изменилось ли (и если изменилось, то в какой мере) в этих трагических условиях политическое мировосприятие византийцев (на примере некоторых ведущих государственных деятелей)? Ставя так вопрос, мы не забываем, что в поздне-византийское время официальной идеологической доктриной являлась доктрина *οἰκοκυπρια*. Ромеи — общество великого народа, император — руководитель мировой державы, который управляет народом ради общего спасения², по словам Фомы Магистра (конец XIII в. — около 1330). «Власть над странами и островами дана императору от бога», — по убеждению Андроника II Палеолога. Уступать, покоряться врагам — это постыдное и позорное дело, говорится в хрисовуле императора от июля 1280 г.³ Однако если Феодор II Дука Ласкарис считал, что «Наследственная задача императора — защита империи от разрушения со стороны окружающих ее отовсюду врагов, и это самое лучшее»⁴, то Андроник II выдвигает в своих письмах требование к феодалам соседних территорий (Фессалии) «покориться императору и быть под властью ромеев вместе с другими, как в прежние времена»⁵. Составленный при Андронике II перечень митрополий, подчиненных патриаршему престолу, включает ряд чужих областей и стран⁶. Андроник Старший не прекращал борьбы за расширение западных границ Византии (походы в Фессалию, Эпир, Морею). По отношению к некоторым странам, например, Болгарии, империя проводит не только открытую экспансию, но и применяет скрытые формы агрессии. Рамон Мунтанер охарактеризовал рубку перперов с половинным содержанием золота как попытку экономического подчинения Болгарии византийскому правительству⁷. В условиях перманентной войны великодержавный агрессивный курс правительства мог обернуться только общегосударственной катастрофой, ускорить ее. Политика с позиции *οἰκοκυπρια* была нереалистической⁸. Однако великодержавная пропаганда оставалась знаменем официальной Византии до ее гибели. Иоанн VI Кантакузин в письме Симеону, великому князю Московскому, написанному в сентябре 1347 г., заявлял: «Да, империя ромеев, так же как и священная великая церковь божья, есть... источник всякого благочестия и учитель закона и освящения»⁹. Единственным источником среди всех византийских памятников, дающим классическую формулировку доктрины *οἰκοκυπρια*, является

письмо Антония IV, патриарха Константинополя, к Василию I в Москву (1394/97). Выступая как «всеобщий учитель всех христиан»¹⁰, Антоний IV заявляет, что «невозможно для христиан иметь церковь и не иметь империю. Ибо империя и церковь имеют крепкое единство и общность, и невозможно отделить одно от другого»¹¹. «Священный император... не есть как другие правители и самодержцы стран ... он посвящен как василевс и автократор... всех христиан»¹². Великий император — «господин и владыка мира»¹³, «природный властелин»¹⁴, «всеобщий император»¹⁵. По отношению к ромеям император должен выступать как «истинный пастырь всех»¹⁶.

Неудовлетворенность политикой Андроника II выразил уже патриарх Афанасий I, который требовал от императора проведения неотложных мер для ликвидации кричащих бедствий, особенно голодовок. В письме «К императору, чтобы он не доверял каждому, кто желает говорить, и не мешал обрабатывать земли тем, кто этого желает»¹⁷ Афанасий I выступил против беспощадного налогового обложения¹⁸. Он сообщал, что «дома и лавки пригородов разграблены»¹⁹, просил императора появляться более часто на крепостных стенах и у ворот столицы²⁰, требовал запретить «особенно латинянам, проникать с оружием в город»²¹. Он обратил внимание императора на то, что если соблюдение законов божественных является непреклонной обязанностью для всех правверных, то это еще больше обязательно для императоров, которые должны уважать пурпур, в который бог их облачил²². Однако Афанасий I приписывает императорской власти от бога (*he es theou basileia sou*) в лице Андроника II всемогущество в исправлении несчастий общества²³. Если божественная царственность императора подготовит общество словом и делом к набожной и справедливой жизни, то бог «отвергнет свой гнев от ромеев и сделает врагам их в семь раз больше зла, чем они сделали»²⁴.

Никифор Хумн (около 1250/55—16. I. 1327), ближайший сподвижник Андроника II, понимал трагический смысл содержания наемных сил и выдвигал требование рассчитывать только на собственные силы. Но даже незаурядный ум Никифора Хумна не мог наметить конкретные пути осуществления политики с расчетом на внутренние ресурсы²⁵.

Наиболее прозорливым из современников Андроника II оказался другой его ближайший советник Феодор Метохит. Являясь истинным сыном своего времени и своего класса, Метохит не мог представить иных имущественных отношений. Однако он лучше, чем кто-либо другой, понимал надвигающуюся опасность (именно он указал на угрозу со стороны турок), с другой стороны, он точнее, чем Никифор Хумн, оценил слишком малые возможности византийского феодального режима к сопротивлению османскому нашествию. Исходя из условий византийской действительности, Феодор Метохит не видел иного решения социально-политических проблем, кроме «фаталистической неподвижности», «стоической готовности»²⁶. Метохит уже не надеялся, что мобилизация материальных ресурсов приведет к ликвидации внешней угрозы. В целом программа «фаталистической неподвижности» противоречила официальному политическому курсу Византии как «великой державы».

Через несколько десятков лет, с конца третьей четверти XIV в., когда византийское общество было заражено глубоким пессимизмом²⁷, новые пути спасения империи ищет политический деятель Димитрий Кидонис (около 1324—1397/98). На службу к Иоанну VI Кантакузину он поступил вскоре после 3 февраля 1347 г.²⁸ Не ранее, чем в 1356 г., началась его служба при дворе Иоанна V Палеолога²⁹, продолжавшаяся около 30 лет³⁰, так как осенью 1386 г. Кидонис писал, что получил возможность досуга в жизни³¹.

Теряя земли на востоке, империя стремилась компенсировать их потерю захватами на Балканском полуострове и в нижнем течении Дуная³². Огромных расходов вместе с тем требовали перманентная война и выплата дани туркам, поэтому Иоанн V «закручивал налоговый пресс». В письме к императору (1372—1373) Кидонис предлагает провести налоговую реформу: «пусть же пробуждается сетование о несчастных земледельцах и о других апорах, которым нужно уменьшить взносы, как уже погубившим себя постоянными сборами, и которым завидуют властители жизни, по-видимому, они желали бы на обед потребовать себе самим их тела. Ибо ничто не предвещает того, что в будущем они освободят мучеников»³³. О наемных работниках Кидонис пишет в 1381—1382 гг., что они нанимаются за более низкую плату, чем итальянцы, а ныне бедность будет их вынуждать удовлетворяться еще более малой платой, чем нормальная³⁴. Жители в столице изнурены бедностью и раздорами (1378—1379)³⁵. Вследствие огромных платежей в пользу турок стали взыскивать деньги с пенитов (письмо написано осенью или зимой 1391 г.)³⁶.

Усиление эксплуатации и ухудшение условий жизни трудящихся привели к социальному напряжению и вылились в новые социальные столкновения. Кидонис, как он пишет, содрогается от того, что в столице непрерывно происходят преступления³⁷. «Внутри же восстания граждан, не преуспевающих, но теперь считающих друг друга самыми важными в императорских дворцах, и ссоры, и раздоры из-за первенства, и какое у каждого стремление, если бы он смог, завладеть всем одному-единственному, и если это захватывал не он, грозить перебежать к врагам и с ними блокировать родину и друзей»³⁸. Кидонис неоднократно жалуется, что вынужден терпеть бурные волнения³⁹ и «мятежи внутри»⁴⁰. Противники унии с Римом хотят «подстрекать» население Константинополя⁴¹ в своих целях. Отчаявшись, Кидонис заявляет: «если родине никто не поможет, мне предстоит неизбежно погибнуть вместе с беснующимися людьми, которых, не могущих в состоянии жить вместе, нужно изолировать, но невозможно, конечно, излечить мулов, связав их»⁴². Отсутствуя, император оставляет столице все несчастья вдовства и отдает ее «бешеным»⁴³. Однако больше всего волнуют Кидониса не восстания «граждан» (политов), а выступления пенитов⁴⁴. Из-за них не только страдает «справедливость», но и родина и «уважаемое общество» подвергаются общей опасности⁴⁵. Кидонис страшится, «как бы не лишили они жизни правителей или более сносных врагов не признали бы и, прибегая к их помощи, на нас с ними не напали бы, или, пожелав отплатить применявшим силу, не сбросили бы они с себя господство,

словно лошадь, подгоняемая стрекалами, и не пресытили бы город грабежом и изгнанием, и убийствами»⁴⁶. «Вот почему,— поучает императора Кидонис,— увидев, в самом деле, наемных рабочих во время общих оскорблений, препятствуй; к тому же это городам, имей в виду, приносит то же самое, что болезни живым телам или пираты кораблям»⁴⁷. В свете только что изложенных фактов вряд ли можно согласиться с мнением Э. Франчеса, что после известных событий осенью 1354 г. «городские движения в Византии совершенно прекратились»⁴⁸.

Кидонис уверен в неизбежности гибели Византии⁴⁹. Злая судьба преследует не только империю ромеев в целом, но даже отдельного ромея⁵⁰. Кидонис приписывает события божественному провидению⁵¹. Великий город — только название⁵². Положение жителей столицы Кидонис сравнивает со страшной неволей⁵³. Турки повелевают всем, и ромеям приходится соглашаться на все. Так далеко турки продвинулись к власти, а ромеи к рабству⁵⁴. Заручившийся поддержкой у турок, получает реальную силу, и граждане вынуждены повиноваться ему и выполнять его приказы⁵⁵. Остается, кроме того, и старое зло, которое все погубило,— раздор императоров относительно призрака власти, из-за этого раздора тот и другой поневоле потворствуют варвару⁵⁶. Поскольку ныне в императорских дворцах «некоторые несчастные намереваются восхвалять в присутствии толпы дела правителей (для этих целей использовали за плату пенитов.—*В. С.*) и вследствие этого при удобном случае гнать всяких, уже отточивших языки на тему о Совести и Справедливости, словно совершенно отбросивших некое сдерживающее начало, то даже резиденция государственных властей являет ныне нам образец базарной площади вследствие болтливости и угодничества»⁵⁷.

Кидонис не видит внутренних сил, чтобы спасти империю, обличая равнодушие к судьбам родины со стороны представителей «верхов». Он пишет великому domestiку Димитрию Палеологу: «ты же счел нужным довольствоваться молчанием и, пребывая на Лемносе, заботиться о козлах и козах... и ни одного слова — советникам императора, не из-за таких ли безмолвствующих тот (город.— *В. С.*) стал безропотно повиноваться»⁵⁸. Ввиду того, что народ, даже оставленный в покое и непотребованный, уже нежизнеспособен, что же должно из него получиться там, где со всех сторон его окружает война⁵⁹. «Все обессиленные считают, что никогда не сдержат жадность турок, и отныне они готовятся к рабству, словно оно единственное может освободить их от несчастий»⁶⁰. В этой обстановке Кидонис вынужден с горечью признаться (в письме деспоту Феодору I Палеологу в Пелопоннес): «одно я нахожу убежище для себя самого — присоединиться к тебе и ожидать с тобой того, что последует»⁶¹.

Спасение Кидонис видел только в одном — в помощи со стороны римской церкви и ее христиан, со стороны Запада⁶². В письме Мануилу (II) Палеологу в Фессалонику (1385—1386) Кидонис излагает свою позицию по вопросу об унии: «Здесь (в Константинополе.— *В. С.*) я убеждаю потребовать в свою очередь от легата (Павла Фоскари, архиепископа Патр, легата папы Урбана VI.— *В. С.*) в качестве вознаграж-

дения за нововведение в вере военного союза»⁶³. Но уже летом 1364 г. Кидонис пишет, что ждать нечего, кроме пустых обещаний, что болтовня о крестовом походе будет повторяться из года в год⁶⁴. В письме брату Прохору из Рима (1369—1370) Димитрий Кидонис подчеркивает невозможность добиться поддержки на Западе: «Мне же, осознающему судьбы родины и насмешки врагов, а именно что нам отныне станут стены (Константинополя.— В. С.) тюрьмой и что мы увидим неприятелей, уносящих награбленное отсюда, все тягостно — ничего здесь (в Риме.— В. С.) с нашей стороны ради себя мы не сделали законченного»⁶⁵. В результате поездки 1369—1371 гг. византийцы не добились самой незначительной пользы⁶⁶. Начало «великого раскола» (20 сентября 1378 г.) опрокинуло даже скудные надежды на вызволение со стороны Запада⁶⁷. Несмотря на свой гордый характер, который особо подчеркивается («Мне же прямо петля, если мне необходимо просьбами приобретать милость. Ибо по природе с самого начала это мне неприязненно, и давнишняя привычка сильнее возбудила неприязнь вдобавок к природе»⁶⁸), Кидонис, как лидер латинофонов, предпринимал множество попыток заручиться поддержкой Запада и разработал стройную концепцию неизбежной необходимости для этих стран участвовать в общей войне против турок⁶⁹: если Константинополь падет, то Западу придется бороться со всеми «варварами», населяющими Мэотиду (Азовское море), Боспор и всю Азию. Ведь если «варвары», будучи в одиночестве, столько народов и городов заставили покориться, то как нелегко должно быть для них пренебрежение оставшимися.

Особо следует отметить отношение Кидониса к туркам. В письме, датированном концом осени 1376 г., он заявляет: «Турки, старое зло, стали более обременительны»⁷⁰. Однако в 1391 г. Кидонис уже осознавал турецкую опасность как роковую для судеб Византии — осталась, пишет он, одна столица как отделенная от туловища голова, а ныне и она вместе с императорами (Мануил II в Константинополе и Иоанн VIII, его племянник, в Силимври.— В. С.) перейдет к рабам⁷¹. Сразу же после этих слов Кидонис подчеркивает: «И вот я назвал главное зло»⁷².

Обстановка перманентной войны не могла не наложить своего отпечатка и на социальную динамику поздневизантийского общества. По словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «вся внутренняя структура самой нации зависит от ступени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего общения»⁷³.

Поздневизантийское общество можно рассматривать в качестве наиболее гетерогенного. Для него характерны, с одной стороны, наибольшее за всю предшествующую историю эндомиграционное и интермиграционное движение, с другой стороны, — наибольшая по сравнению со всем предшествующим временем заторможенность процесса вертикальной динамики общества.

(1) Представители деклассированной прослойки беспрепятственно передвигались по территории империи, но стать крестьянами они могли только после получения феодалом специального на это разрешения.

(2) Крестьяне в условиях турецкого нашествия могли, лишившись имущества, а) вливаться в ряды деклассированной прослойки, б) уxo-

доть в город⁷⁴, где их ожидали тяжелые условия жизни наемных работников или деклассированных элементов. Не нашедшие работы в городе (в условиях военизации византийской городской экономики и укрепления в городе позиций иностранного купечества, что подрывало собственно византийскую промышленность) непрерывно выбрасывались из города в деревню. Самопроизвольно вернуться к занятию земледелием бывшие крестьяне не могли. Не только в деревне, но и в городе никто не мог принять во владение свое парика другого землевладельца. Даже горожане Янины, получившие привилегии по хрисовулу Андроника II от 1319 г., должны были следовать этому правилу⁷⁵. В 1345 г. «Земледельческие законы», вошедшие в «Шестикнижие» Константина Арменопула, на всей территории Византии запрещают любому принимать «чужих земледельцев», в случае нарушения «хозяин села» подвергается двойному штрафу. Принявший чужого земледельца «... пусть возвратит его обратно в село, которое он покинул», — требуют «Земледельческие законы»⁷⁶. В письме Кидониса (8. X. 1364—1365), посланном из Константинополя на о. Лемнос, говорится о необходимости возвратить беглецов и передать снова прежним хозяевам⁷⁷. У детей беглецов также не было иного выбора: «Родившиеся же от них (беглецов.— В. С.) ... будут направлены к преступникам (возвращенным родителям.— В. С.)»⁷⁸. Но если путь крестьянству в город был юридически закрыт (самопроизвольный переход), то это подрывало базу для расширения слоя собственно византийского бюргерства. В такой ситуации конкурентами бюргеров выступали монастыри, которые поселяли своих париков в городах в качестве ремесленников⁷⁹. Следовательно, возможность перехода крестьян в ряды бюргерства (в широком смысле этого слова) зависела от феодалов и определялась их классовыми интересами. Закрыв беглым крестьянам доступ в город (лишь в начале XV в. в г. Монемиассии — в силу особой привилегии — могли поселиться либо парики, либо эфетеры, либо кто-то другой), феодалы, однако, путем получения иммунитетных прав нашли способ обеспечения своих владений рабочей силой. Возможность крестьянского перехода подорвала бы прониарское землевладение, рост которого в поздней Византии вызывался необходимостью военизации экономики в условиях перманентной войны. Право поселять «неизвестных казне» могло стать новым источником доходов для феодалов, так как сопротивление приселившихся крестьян, как доказал А. П. Каждан, в поздней Византии было гораздо менее энергичным, нежели старожилы⁸⁰.

(3) По данным простагмы Михаила VIII Палеолога от 1272 г. плохой стратигот (прониар) должен быть лишен экономики⁸¹. Но уже со времени Михаила VIII начинается, а в XIV в. закрепляется процесс передачи пронии по наследству с соответствующими правами и обязанностями⁸². Рост наследственного прониарского землевладения значительно подорвал социальную мобильность в среде господствующего класса⁸³.

(4) Возможности социального анабасиса еще сохраняются у служилого чиновничества, участвующего в торговых сделках, и духовенства. Из письма жителей Дидимотики от 1342 г. архонту Фессалоник-

ской фемы Апокавку вырисовывается его «путь наверх»⁸⁴. Вначале он служил за небольшую плату Макрину, собиравшему подати с земледельцев, после этого — архонту Николаю, занимавшемуся тем же делом, а после них — Стратигу, распоряжавшемуся солью и ее продажей. Сумев накопить изрядную денежную сумму, Апокавк прежде всего подкупом добился расположения императора Андроника II и был назначен на должность архонта соли (archon ton halon), которую занимал до него Стратиг. При Кантакузине Апокавк становится уже архонтом Фессалоникской фемы. Пример восхождения Апокавка по социальной лестнице показывает, что для этого нужно было иметь состояние⁸⁵.

Монашество, обладавшее большой экономической силой, пыталось влиять на политику правительства через своих представителей. В 1282—1416 гг. из 23 «сроков» 19 раз патриарший престол занимали выходцы из монастырей (исключая Иоанна XIII Гликиса, Иоанна XIV Калеку и Макария). Сужается и социальная база монашества. Если патриарх Герман II (1222—1240) был по происхождению сыном рыбака⁸⁶, то последующие патриархи — выходцы из господствующего класса. С середины 80-х гг. XIII в. факты вступления свободных крестьян в монастырь являются уже исключением.

Свидетельством величия, по словам Кидониса, считались значимость при вышестоящих, чествование от занятия самой высокой должности, расположение со стороны всех⁸⁷. Иоанн V Палеолог в письме к Иоанну Кантакузину подчеркивает именно в этом смысле изменение положения узурпатора: «Отец мой возвел тебя из неизвестности в славу»⁸⁸.

(5) В поздневизантийском обществе наряду с ростом деклассированной прослойки (в «низах») происходит увеличение численности того слоя в «верхах», который вел паразитический образ жизни. «Среди правящих кругов никто из годных для службы не занимается ею: ибо служба в той или иной степени по сравнению с властью — самое противоположное»⁸⁹, — пишет Георгий Гемист Плифон. С возрастанием числа полностью обездоленных из среды трудящихся идет процесс невиданного до тех пор накопления богатства. Кидонис пишет о том, что годовой доход Иоанна Ласкариса Калофера (бежал из Константинополя на Кипр) едва уступает общественным доходам⁹⁰. Верхушка общества пытается частями переправлять богатства на Запад (в более надежное место)⁹¹.

Итак, византийское правительство, верное доктрине ойкумены, получившей классическое развитие как раз в письмах и рассматривавшей империю как великую державу, бросало последние средства и силы на захват новых областей Балканского полуострова, стремясь возместить потерю восточных владений. Видя отчаянное положение империи, некоторые ведущие государственные деятели предпринимали поиски новых путей, что проявлялось в требованиях снизить налоги, ликвидировать систему наемничества в армии, следовать «фаталистической неподвижности», более энергично препятствовать выступлениям наемных рабочих. Если Никифор Хумн еще верил во внутренние силы, то Димитрий Кидонис рассчитывал лишь на Запад, чтобы спасти империю. В 1391 г. он осознал турецкую опасность как роковую для своей страны.

Для поздневизантийского общества в условиях перманентной войны были характерны широкое миграционное движение и наибольшая заторможенность вертикальной динамики (особенно для «низов»). Росту деклассированной прослойки противостояло переключение правящей верхушки на паразитический образ жизни и накопление богатств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. А. Сметанин. О специфике перманентной войны в Византии в 1282—1453 гг.— АДСВ, 1973, вып. 9, стр. 89—101.

² Theoduli Magistri Oratio de regis officiis.— Migne PG, t. CXLV, 1865, col. 456 B.

³ Ecclesiastike Aletheia, t. IV, 1883—1884, sel. 447. F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, IV. Teil: Regesten von 1282—1341. München und Berl., 1960, Nr. 2133.

⁴ N. Festa. Theodori Ducae Lascaris epistulae CCXVII. Firenze, 1898, ep. 44. 1—2.

⁵ Nicephori Gregorae Byzantina Historia, ed. L. Schopen, v. I. Bonnae, 1829, p. 279.

⁶ MM, v. I, p. 126—128; H. Gelzer. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum.— Abhandlungen der philologisch-philosophischen Classe der Akademie der Wissenschaften zu München, Bd. XXI, 1900, S. 595, 597, 599—600, 605.

⁷ T. Gerasimov. Les hyperpères d'Andronic II et d'Andronic III et leur circulation en Bulgarie.— Byzantinobulgarica, v. I, 1962, p. 214.

⁸ A. A. Vasiliev. Was Old Russia a Vassal State of Byzantium?— Sp., v. VII, 1932, No. 3 (July), p. 359, 360. G. Ostrogorsky. Die byzantinische Staatenhierarchie.— Seminarium Kondakovianum, v. VIII, 1936, S. 60; D. Obolensky. Byzantium, Kiev and Moscow: a Study in Ecclesiastical Relation.— DOP, v. XI, 1957, p. 26; G. Ostrogorsky. The Byzantine Emperor and the Hierarchical World Order.— The Slavonic and East European Review, v. XXXV, 1956—1957, p. 13; D. Obolensky. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy.— Actes du XXIIe Congrès International d'Études Byzantines. Ochride, 10—16 Septembre 1961, t.I. Beograd, 1963, p. 59; H. Hunger. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964, S. 213; C.I.G. Turner. Pages from Late Byzantine Philosophy of History.— BZ, Bd. LVII, 1964, H. 2, S. 346; D. Obolensky. Byzantium and Russia in the Late Middle Ages.— Europe in the Late Middle Ages, ed. by J. R. Hale, J. R. L. Highfield, B. Smalley. L., 1965, p. 258;

Г. Г. Литаврин, В. Л. Янин. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв.— «История СССР», 1970, № 4, стр. 52. О доктрине оисомтене см. также: Г. Острогорски. Автократор и самодержец.— «Глас Српске Академије Наука», т. CLXIV, 1935, стр. 95 нсл.; А. П. Каждан. О социальной природе византийского самодержавия.— «Народы Азии и Африки», 1966, № 6, стр. 56; W. Ohnsorge. Konstantinopel und der Okzident. Darmstadt, 1966, S. 290—291; J. Meyendorff. Alexis and Roman: a Study in Byzantino-Russian Relation (1352—1354).— BS, v. XXVIII, 1967, fasc. 2, p. 285; eiusdem. Society and Culture in the Fourteenth Century. Religious Problems.— XIVe Congrès International des Études Byzantines. Bucarest, 6—12 Septembre 1971. Rapports, v. I. Bucarest, 1971, p. 63; D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500—1453. L., 1971, passim.

⁹ MM, v. I, p. 263. 31—33.

¹⁰ MM, v. II, p. 189. 14—15.

¹¹ Ibid., p. 191. 17—20.

¹² Ibid., p. 190. 17—18, 30—31.

¹³ Ibid., p. 191. 7.

¹⁴ Ibid., p. 192. 3.

¹⁵ Ibid., p. 191. 30—31.

¹⁶ Georgii Phrantzi Chronicon, ed. I. Bekker. Bonnae, 1838, p. XIV.

¹⁷ Рукопись Vatic. gr. 2219, fol. 46^r sq.—Цит. по: N. Banescu. Le patriarche Athanase I-er et Andronic II Paléologue. État religieux, politique et social de l'Empire.— Académie Roumaine. Bulletin de la Section Historique, t. XXIII, 1942, p. 52.

¹⁸ Мнение Г. Диттея о смягчении налогового гнета при Андронике II не поддерживает критики (H. Ditten. Beziehungen zwischen Spanien und dem byzantinischen Bereich im Mittelalter (VI.—XV. Jahrhundert). Eine kurze Übersicht.—Byzantinistische Beiträge, hrsg. von J. Irmscher. Berl., 1964, S. 260).

¹⁹ Рукопись S. Gr. 516, fol. 183^r.—Цит. по: R. Guillard. La Correspondance inédite d'Athanase, Patriarche de Constantinople.—Mélanges Ch. Diehl, v. I (histoire). P., 1930, p. 138.

²⁰ Рукопись S. Gr. 516, fol. 135^r.—Цит. по: R. Guillard. La Correspondance..., p. 138.

²¹ Рукопись S. Gr. 516, fol. 135^v.—Цит. по: R. Guillard. La Correspondance..., p. 138.

²² Рукопись Vatic. gr. 2219, fol. 19^r sp.—Цит. по: N. Banescu. Le patriarche..., p. 48.

²³ Рукопись S. Gr. 516, fol. 194^v.—Цит. по: R. Guillard. La Correspondance..., p. 139.

²⁴ Рукопись Vatic. gr. 2219, fol. 3^r.—Цит. по: N. Banescu. La patriarche..., p. 48.

²⁵ J. Verpeaux. Nicéphore Choumnos homme d'État et humaniste byzantin (ca 1250/1255—1327). P., 1959; I. Sevcenko. Études sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos. Bruxelles, 1962; E. Werner. Die Geburt einer Grossmacht—Die Osmanen (1300—1481). Ein Beitrag zur Genesis des türkischen Feudalismus. Berl., 1966, S. 130.

²⁶ H.—G. Beck. Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im XIV. Jahrhundert. Munchen, 1952, S. 7, 14.

²⁷ Ibid., S. 123.

²⁸ A. K. Eszer. Das abenteuerliche Leben des Johannes Lascaris Kalopheros. Forschungen zur Geschichte der ost-westlichen Beziehungen im XIV. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969, S. 202.

²⁹ Ibid., S. 233, Anm. 539.

³⁰ R.—J. Loenertz. Démétrius Cydonès, Correspondance, v. I—II. Vatic., 1956—1960 (далее—Cydon.), hic v. II, ep. 338. 8—9.

³¹ Ibid., ep. 359. 21.

³² S. Stefanescu. Byzanz und die Dobrudscha in der zweiten Hälfte des XIV. Jahrhunderts. Die Bildung des Feudalstaates Dobrudscha.—Byzantinistische Beiträge, hrsg. von J. Irmscher. Berl., 1964, S. 242; H. Ahrweiler. Byzanz et la mer. La marine de guerre la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe—XVe siècles. P., 1966, p. 394.

³³ Cydon., v. I, ep. 114. 14—19.

³⁴ Ibid., v. II, ep. 223. 116—118.

³⁵ Ibid., sp. 190. 48—49.

³⁶ Ibid., ep. 442.36—37. Пенитов как платежеспособных нельзя относить к деклассированным элементам, к населению, не имевшему никакой собственности, как это делают О. Тафрали и Б. Т. Горянов (O. Tafrali. Thessalonique au XIVème siècle. P., 1913, p. 31; Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, стр. 270). Ввиду того, что Б. Т. Горянов высказывает априорное мнение, мы рассмотрим только доводы О. Тафрали. Он ссылается на перихоу из письма Кидониса к Исидору Главе (Cydon., v. II, ep. 235 (1382—1383?): An para ton peneton lepses-thai prosedokesa, cai hois ton somaton pleon ouden leipetai, dia ten ton Tourcon pleone-xian. Однако риторическое высказывание о том, что пенитам «ничего больше кроме тел не остается, благодаря жадности турок» не может служить основой для определения реального имущественного статуса.

³⁷ Cydon., v. II, sp. 436. 32.

³⁸ Ibid., ep. 442. 51—56.

³⁹ Ibid., ep. 371. 6.

⁴⁰ Ibid., ep. 371. 8—10.

⁴¹ Ibid., ep. 327. 16.

⁴² Ibid., ep. 442. 73—76.

⁴³ Ibid., v. I, ep. 28. 25—26.

⁴⁴ Кидонис никогда не смешивал политов и пенитов, как власть имущих и низы общества. Об этом различии почему-то «забывает» П. Лемерль, пытаясь вопреки

историческим фактам всячески затушевывать социальные противоречия: «Византийское общество, в своей основе, не является, собственно говоря, обществом иерархическим. Это *politeia*, общество *politai*... Право и Справедливость существующих для всех. Эти характерные черты существуют до конца империи» (P. Lemerle. *La notion de décadence à propos de l'Empire byzantin.*— "Classicisme et declin culturelle dans l'Islam". P., 1957, p. 268).

⁴⁵ Cydon., v. I, ep. 114. 19—20.

⁴⁶ Ibid., ep. 114.22—26.

⁴⁷ Ibid., ep. 114.28—31. Ср. фессалоникийские события в 1363 г.: «Завершение же несчастий — домашние заботы, а именно толпа, окружавшая нескольких знатных родственников, пытавшихся грабить имущество» (Nicolai Cabasilae *epistulae* V.— R.-J. Loenertz. *Démétrius Cydonès, Correspondance*, v. I. Vatic., 1956, p. 169.14—15).

⁴⁸ Э. Франчес. Народные движения осенью 1354 г. в Константинополе и отречение Иоанна Кантакузина.— ВВ, 1964, т. 25, стр. 147.

⁴⁹ Cydon., v. II, p. 442.74. Не случайно Кидонис покинул пределы империи (он умер на Кипре).

⁵⁰ Ibid., ep. 436.61—62. Иоанн Хортасмен также писал, что Тиха давно оставила Атику и переселилась в Италию (H. Hunger. *Johannes Chortasmenos* (ca. 1370—ca. 1436/37). *Briefe, Gedichte und kleine Schriften*. Wien, 1969, ep. 44. 12—14).

⁵¹ Cydon., v. II, ep. 331.11.

⁵² Ibid., v. I, ep. 28.10.

⁵³ Ibid., v. II, ep. 190.54.

⁵⁴ Ibid., ep. 167. 18—20.

⁵⁵ Ibid., ep. 442. 45—47.

⁵⁶ Ibid., ep. 442. 41—44.

⁵⁷ Ibid., v. I, ep. 114.6—10.

⁵⁸ Ibid., ep. 28.9—12. Можно сослаться также на письмо Мануила II Палеолога (1401) к Мануилу Пофу, в котором император просит Пофа возбуждать других нерешительных: «чтобы наш труд принес плоды и чтобы вы не погибли, имея у своих ворот ваших защитников» (Em. Legrand. *Lettres de l'empereur Manuel Paléologue*. P., 1893, ep. 42, p. 57).

⁵⁹ Cydon., v. II, ep. 167. 40—41.

⁶⁰ Ibid., ep. 442. 38—40.

⁶¹ Ibid., ep. 442. 77—78.

⁶² Ibid., ep. 167. 42—43; 190. 49.

⁶³ Ibid., ep. 327. 29—30.

⁶⁴ Ibid., v. I, ep. 93.75—76, 52—54, 57—60; v. II, ep. 167.43. Ср. письмо Геннадия Схолария к папе Евгению IV, где последний все еще наивно рисуется спасителем ромеев (L. Petit, X. A. Sidéridès, M. Jugie. *Oeuvres complètes de Gennade (Georges) Scholarios*, v. IV. P., 1935, p. 432—433).

⁶⁵ Cydon., v I, ep. 39. 32—36.

⁶⁶ Ibid., ep. 37.5.

⁶⁷ Ibid., v. II, ep. 190.8—9.

⁶⁸ Ibid., v. I, ep. 83. 9—10.

⁶⁹ Ibid., ep. 93. 88—99.

⁷⁰ Ibid., v. II, ep. 167. 13—14.

⁷¹ Ibid., ep. 436. 22—24.

⁷² Ibid., ep. 436. 24.

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология*.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е, т. 3, стр. 20.

⁷⁴ В хрисовуле Иоанна VI Кантакузина от июля 1351 г. для Ивирского монастыря подтверждается владение двумя разрушенными деревнями Добровикия и Овил, прежние жители которых ушли в город (F. Dölger. *Regesten*..., V. Teil, Nr. 2980).

⁷⁵ MM, v. V, p. 83. 20.

⁷⁶ Constantini Armenopoli *Manuale legum sive Hexabiblos*, ed. G. E. Haimbach. Lipsiae, 1851, hic v. *Nomoi georgicoi*, tit. I, § 17.

⁷⁷ Cydon., v. I, ep. 96. 85—86.

⁷⁸ Ibid., ep. 96. 86—87.

⁷⁹ А. Соловьев, В. Мошин. *Грчке повеље српских владара*.— Зборник за историју, језик и книжевност српског народа, 3 одељене, кн. VII. Београд, 1936. № 7.70;

F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, Nr. 954.

⁸⁰ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 109.

⁸¹ A. Heisenberg. Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit.—SBAW, Abh. X, 1920, S. 40 f.

⁸² А. П. Каждан. Аграрные отношения..., стр. 218—219.

⁸³ H.—G. Beck. Senat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte. München, 1966, S. 66.

⁸⁴ Ioannis Cantacuzeni Historiarum libri IV, ed. L. Schopen, v. II. Bonnae, 1831, p. 278.

⁸⁵ Это условие правильно подчеркивает М. Я. Сюзюмов в статье: О понятии «трудящийся» в Византии.—ВВ, 1972, т. 33, стр. 6.

⁸⁶ Migne PG, t. CXLVII, 1865, col. 465 C.

⁸⁷ Cydon., v. II, ep. 190. 35—36.

⁸⁸ Georgii Phrantzi Chronicon, ed. J. Bekker, Bonnae, 1838, p. XIV.

⁸⁹ Georgiou Gemistou tou Plethonos symbouleutikos pros ton despoten Theodoron peri tes Peloponnesou logos.—A. Ellissen. Analekten der mittel—und neugriechischen Literatur, IV. Teil, 2. Abt. Leipzig, 1860, S. 68. 29—30; 69.1.

⁹⁰ Cydon., v. II, ep. 345.13.

⁹¹ Дж. Юнг прав, когда отмечает, что «благодаря своему богатству правящий класс Константинополя превратился в придворную касту, не связанную с обществом» (G. Young. Constantinople depuis les origines jusqu'à nos jours. P., 1948, p. 153).